

такой же ясно и я, читая йоркширскую прокуратуру в суде, другого мнения я не имею. Я считаю, что это было бы ошибкой отрицать то, что виноваты в этом не только я и моя команда, но и весь штаб суда, который не заслушал меня и не дал мне времени на то, чтобы я мог высказать свою точку зрения.

ГЛАВА 5

О ВЛИЯНИИ РЕШЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА НА ОТПРАВЛЕНИЕ ПРАВОСУДИЯ В РОССИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ДЕЛА «СУТЯЖНИК ПРОТИВ РОССИИ»

В данной главе мы вновь возвращаемся к теме законности судебного решения, вынесенного судом за пределами своей компетенции, теперь уже не с точки зрения разрешения проблемы манипуляций с подсудностью, а с точки зрения принципа правовой определенности с учетом практики ЕСПЧ и принципа эстоппель.

...История не хочет остановиться. Она ставит на очередь вопрос о правовой организации всего человечества и общечеловеческого суда... Наступит момент, когда на этом форуме... сможет выступить в качестве истца против своего государства и отдельный человек... Человек оболочки государства протянет свои руки личность ко всему человечеству, на государственную совесть будет апеллировать к совести общечеловеческой, и в этой апелляции неотъемлемые права личности найдут себе наивысшую санкцию, которая только возможна для них здесь – на нашей грешной, но правды ищущей и по правде тоскующей земле.

И.А. Покровский «Государство и человечество», 1919¹

Ранее, рассматривая последствия обращения в суд с нарушением компетенции судов, оценивая эту проблему как следствие манипуля-

¹ Покровский И.А. Государство и человечество. М., 1919 (цит. по кн.: Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 2003. С. 29).

ции с подсудностью в ходе «корпоративной войны», мы были склонны рассматривать данную проблему только со стороны противодействия злоупотреблению правом. Соответственно в поисках противодействия такому злоупотреблению правом, как искусственное изменение подсудности, нас интересовала возможность противодействия манипуляциям с подсудностью. Наиболее эффективным средством, на наш взгляд, было бы признание рассмотрения дела с нарушением подсудности фундаментальной ошибкой, которая могла бы быть безусловным основанием для отмены судебного акта, в том числе вступившего в законную силу¹.

Отсюда возникал вопрос о соответствии отмены вступившего в законную силу решения по причине манипуляции с подсудностью *принципу правовой определенности*, как он дан в толкованиях Европейского Суда по правам человека в делах «Брумареску против Румынии», «Рябых против Российской Федерации» и др.

В качестве подтверждения правильности своих доводов о том, что манипуляция с подсудностью есть фундаментальная ошибка, исправление которой не является нарушением принципа *res judicata*, мы приводили Постановление ЕСПЧ от 14 февраля 2008 г. по делу «Пшеничный против РФ», в котором ЕСПЧ установил нарушение Россией принципа правовой определенности отменой вступившего в законную силу судебного решения и в котором *inter alia* были даны некоторые ответы на вопрос о том, что же ЕСПЧ полагает фундаментальными ошибками, позволяющими преодолеть принцип *res judicata*. На основании того, что в п. 26 данного Постановления при критике отмены вступившего в законную силу решения в порядке надзора было обращено внимание на то, что «в суде надзорной инстанции не утверждалось, что предшествующее судопроизводство было запятнано фундаментальными ошибками, как, например, в частности, ошибка подсудности, существенные процессуальные нарушения или превышение полномочий», мы сочли, что доказали возможность отмены вступивших в законную силу актов без нарушения *res judicata* в случаях, когда имело место рассмотрение дела с нарушением подсудности.

Наш вывод о том, что «судебное решение, вынесенное с нарушением подсудности, является фундаментальной судебной ошибкой,

¹ Ерохина Т.П. Некоторые проблемы подсудности в гражданском судопроизводстве: Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004.

которая должна быть исправлена вышестоящей судебной инстанцией и как представляющая собой нарушение ст. 47 Конституции РФ и ст. 6 Конвенции», был обусловлен целиком и полностью желанием показать, что манипуляция с подсудностью, безусловно, негативно скажется на законности решения и лица, злоупотребившие правом, не смогут воспользоваться плодами искусственного изменения подсудности дела¹.

В январе 2009 г. Конституционный Суд РФ, рассматривая жалобу Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на нарушение конституционных прав гражданки Халимбековой Шамалы Шарабутдиновны положениями ч. 4 ст. 39, ст. 270, 288 и 304 АПК РФ, пришел к выводу, что «решение, принятое с нарушением правил подсудности, не может быть признано правильным, поскольку оно – вопреки статье 47 (часть 1) Конституции Российской Федерации, закрепляющей право каждого на рассмотрение дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом, и статье 56 (часть 3) Конституции Российской Федерации, не допускающей ограничение этого права ни при каких обстоятельствах, – принимается судом, не уполномоченным в силу закона на рассмотрение данного дела, что, как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 3 июля 2007 года № 623-О-П, является существенным (фундаментальным) нарушением, влияющим на исход дела и искажающим саму суть правосудия. Разрешение дела с нарушением правил подсудности не отвечает и требованию справедливого правосудия, поскольку суд, не уполномоченный на рассмотрение того или иного конкретного дела, не является – по смыслу статей 46 (часть 1) и 47 (часть 1) Конституции Российской Федерации и соответствующих общепризнанных принципов и норм международного права – законным судом, а принятые в результате такого рассмотрения судебные акты не обеспечивают гарантии прав и свобод в сфере правосудия»².

¹ Султанов А.Р. Манипуляции с подсудностью. Взгляд на проблему злоупотребления процессуальными правами с учетом российской практики, наработок международного гражданского процесса и норм Конституции РФ и Европейской конвенции «О защите прав человека и основных свобод» // Закон. 2008. № 9.

² Определение Конституционного Суда РФ от 15 января 2009 г. № 144-О-П «По жалобе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на нарушение конституционных прав гражданки Халимбековой Шамалы Шарабутдиновны положениями части 4 статьи 39, статей 270, 288 и 304 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации».

Глава 5

Казалось бы, проблема разрешена и правильность нашей позиции подтверждена Конституционным Судом РФ. Однако в ходе исследований¹ мы столкнулись с проблемой возможности отмены решения, когда обращение с нарушением компетенции суда было следствием не злоупотребления права, а нечаянной ошибки, либо неясности норм о разграничении компетенции судов, либо отказа в рассмотрении дела судом, которому дело подсудно.

Эта проблема в очередной раз доказала нам опасность узкого подхода к проблеме – окрашивания правовой действительности в черно-белый цвет.

Жизнь настолько многообразна, что необходимым качеством любого юриста является умение не только находить что-то общее в рассматриваемой ситуации с другой, но и разграничивать их, поскольку разумное и правильное решение для одной ситуации может стать несправедливостью для другой.

Так, например, вполне очевидно, что рассмотрение дела за пределами своей компетенции является незаконным и решение, вынесенное в результате такого рассмотрения, также незаконно. Однако всегда ли это очевидное правило, также справедливым и применимым?

В качестве примера рассмотрим ситуацию из реальной судебной практики. После того, как судом общей юрисдикции было отказано в принятии заявления гражданина о защите чести и достоинства на основании ст. 134 ГПК РФ, гражданин обратился с тем же заявлением в Арбитражный суд Республики Татарстан², который с точки зрения компетенции не был тем судом, которому было бы подведомственно это дело, но, считая себя связанным судебным актом суда общей юрисдикции, вступившим в законную силу, и с целью обеспечения конституционного права на судебную защиту (ст. 46 Конституции РФ) рассмотрел дело и вынес решение по существу³.

В последующем кассационная инстанция ФАС Поволжского округа отменила вступившее в законную силу решение и прекратила производство по делу в связи с неподведомственностью. В данном деле арбитражный суд первой инстанции, правильно понимая требования ст. 46

¹ Продолженных, в частности, по совету доктора юридических наук Л.А. Тереховой.

² Дело № А65-5840/05-3.

³ В последующем именно так и поступать рекомендовал Президиум ВАС РФ в постановлениях от 21 октября 2008 г. № 7131/08, от 29 мая 2012 г. № 17607/11, от 26 мая 2013 г. № 15480/12.

Конституции РФ как гарантии доступности правосудия, рассмотрел дело по существу. Суд же кассационной инстанции подошел к данному делу очень формально. Однако все судебные формальности созданы лишь для того, чтобы обеспечить ясный и справедливый порядок судебной защиты, а не для лишения при помощи данных формальностей судебной защиты. Полагаем, что суд кассационной инстанции мог видеть, что, отменяя решение первой инстанции арбитражного суда и не имея возможности отменить вступивший в законную силу судебный акт суда общей юрисдикции об отказе в рассмотрении дела в связи с неподведомственностью, он тем самым оставляет гражданина без судебной защиты.

Приведенный выше пример наглядно показывает, что подход «судебное решение, вынесенное с нарушением компетенции, является фундаментальной судебной ошибкой, которая влечет безусловную отмену судебного акта» может вызвать еще большую несправедливость, оставив заинтересованное лицо без судебной защиты¹.

В данном случае под видом обеспечения законности судебного решения и обеспечения требований ст. 47 Конституции РФ аннулируется само право на судебную защиту, что может стать причиной у становления нарушения ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

В предыдущей главе мы уже рассмотрели ситуации, когда граждане не могут найти компетентный суд, который рассмотрел бы их дело².

Но было бы неправильным не указать, что «спор об отсутствии компетенции» возникает не только между арбитражными судами и судами общей юрисдикции. ЕСПЧ 17 февраля 2009 г., коммуницируя жалобу № 24192/05 по делу «Альминович против России»³, поставил вопрос

¹ Аналогичную ситуацию приводит доктор юридических наук Л.А. Терехова (см. ее работу: Фетишизация правил подсудности в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. № 6. С. 10–13); см. также: Туманов Д.А. Правильно ли считать нарушение правил подсудности безусловным основанием для отмены судебного акта? // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. СПб., 2011. № 7–8. С. 378–388.

² Данная проблема возникает и в других странах (см., например, Постановление Конституционного Суда Республики Армения по делу об определении вопроса соответствия ч. 1 ст. 8 Административно-процессуального кодекса Республика Армения Конституции Республики Армения на основании заявления гражданки Сусанны Овсепян от 3 февраля 2009 г. в сети «Интернет»: <http://www.concourt.am/russian/decisions/common/pdf/787.pdf>).

³ http://www.chernobyl86.ru/spisok/zakon/osn_zakon/strasburg/comm/fact_24192_05_alminovich.htm

Глава 5

перед российскими властями: «Было ли нарушение «права заявителя на суд», как гарантировано статьей 6 § 1 Конвенции, принимая во внимание то, что Конституционный Суд РФ¹ и Верховный Суд РФ в двух инстанциях² отказались выносить решение по жалобам заявителя ввиду отсутствия полномочия по этому вопросу?»

Впрочем, данное дело на момент написания книги находилось лишь в стадии коммуникации и даже не было признано приемлемым для рассмотрения по существу.

Но в нашем распоряжении есть решение ЕСПЧ о приемлемости от 2 марта 2006 г. по делу «Сутяжник против России» (жалоба № 8269/02) и Постановление ЕСПЧ от 23 июля 2009 г., вынесенное по существу этой жалобы³. Данное дело представляет интерес, поскольку в нем высвечивается целый ряд проблем и на их анализе можно выработать определенные алгоритмы для решения аналогичных проблем.

Предметом жалобы явился факт отмены в порядке надзора ранее вынесенных актов Высшим Арбитражным Судом РФ в связи с тем, что спор не был подведомствен арбитражным судам.

Заявитель в своей жалобе ссылался на нарушение принципа правовой определенности отменой вступившего в законную силу судебного акта. Данное требование не является необычным для практики ЕСПЧ, который рассмотрел огромное количество дел в отношении России, где устанавливал факт нарушения принципа правовой определенности в связи с отменой вступивших в законную силу решений в порядке надзора. Но это дело несколько отличается от других дел и не только тем, что дело было отменено в порядке надзора ВАС РФ, а не надзором судов общей юрисдикции, и тем, что нормы АПК РФ, на основании которых осуществлялась отмена, были обжалованы в Конституционном Суде РФ. Основное отличие данного дела в том, что в нем возникла конкуренция двух принципов верховенства права, а именно принципа правовой определенности, который требует уважение к *res judicata*, и принципа законности, который не допускает вынесения решения некомпетентным судом.

ЕСПЧ в данном деле был вынужден рассматривать вопрос о том, может ли нарушение подведомственности оправдать отмену судебн-

¹ Письмо Секретариата Конституционного Суда РФ от 15 июня 2004 г.

² Определения Верховного Суда РФ от 16 августа 2004 г. № ВКПИ04-95 и Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 9 декабря 2004 г. № КАС04-565.

³ Переводы этих документов размещены на сайте заявителя: <http://www.sutyajnik.ru>

ного акта, вступившего в законную силу, или, иначе говоря, могло ли решение, вынесенное в незаконном составе, создать правовую определенность.

Разрешение конфликта правовых принципов не такое простое дело, и секретарь секции ЕСПЧ в письме от 14 марта 2008 г. обратился к заявителю и российским властям с просьбой высказать свое мнение о возможности уступки юрисдикции Первой секции ЕСПЧ в пользу Большой палаты. Данная возможность закреплена в ст. 30 Конвенции для случаев, когда дело, находящееся на рассмотрении Палаты, затрагивает серьезный вопрос, касающийся толкования положений Конвенции или Протоколов к ней, или если решение вопроса может войти в противоречие с ранее вынесенным Судом постановлением. Палата может до вынесения своего постановления уступить юрисдикцию в пользу Большой палаты, если ни одна из сторон не возражает против этого.

Лишь потому, что Уполномоченный РФ в ЕСПЧ выразил возражения против переуступки юрисдикции, данное дело не попало в Большую палату. В последующем, поскольку Постановление ЕСПЧ по данному делу от 23 июля 2009 г. было принято с двумя особыми мнениями, был шанс для того, чтобы в случае обжалования Постановления российскими властями дело попало в Большую палату, но дело так и не было передано в Большую палату, а Постановление вступило в законную силу.

Особый интерес для анализа был вызван наличием возможности одновременно рассмотреть возражения, которые были представлены российскими властями ЕСПЧ¹.

Основным доводом возражений было то, что причиной отмены решения Арбитражного суда Свердловской области от 17 июня 1999 г. и определения ФАС Уральского округа от 18 октября 1999 г. в надзорном порядке стало существенное нарушение процедуры в смысле президентской практики ЕСПЧ.

Действительно, ЕСПЧ в своих постановлениях отмечал, что «полномочие высших судов по отмене или изменению вступивших в силу судебных постановлений должно применяться для исправления существенных нарушений»².

¹ URL: <http://www.sutyajnik.ru/documents/2403.html> (дата обращения – 20.09.2009).

² Постановления от 18 января 2007 г. по делу «Кот против России»; от 20 июля 2004 г. по делу «Никитин против России»; от 24 мая 2007 г. по делу «Радчиков против

он. Российские власти указали, что таким существенным нарушением было рассмотрение дела, противоречащего положениям о юрисдикции суда, созданного на основании закона, поскольку в соответствии с процессуальным правом Российской Федерации споры о регистрации некоммерческих организаций разрешаются судами общей юрисдикции. Неправильно примененное положение о подведомственности, как правило, является основанием для отмены решения. Соответственно, по мнению российских властей, принимая дело к производству, арбитражные суды первой и кассационной инстанций допустили существенную ошибку, которая могла быть исправлена только посредством отмены постановлений, и 26 сентября 2000 г. Президиум Высшего Арбитражного Суда исправил существенное нарушение процессуального права, допущенное низшими судами, которые рассматривали неэкономический спор.

Полагаем необходимым процитировать также еще несколько предложений из возражений российских властей: «Вынесение решения по существу дела некомпетентным судом привело к существенному нарушению, неисправление которого могло бы привести к нарушению прав и интересов общества в целом в форме повторных попыток зарегистрировать некоммерческие организации по решению, вынесенному некомпетентным судом. Среди таких организаций могут быть такие, которые связаны с террористической деятельностью или наркоторговлей¹. У арбитражных судов нет инструментов для предотвращения подобных событий. В связи с вышесказанным Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации пришел к обоснованному заключению, что спор неподведомствен арбитражному суду».

На наш взгляд, предположение о возможном нарушении интересов общества в форме попыток зарегистрировать некоммерческие организации по решению, вынесенному некомпетентным судом, не выдерживает критики. Решение, вынесенное по одному делу, может создать преюдицию лишь при совпадении участников процесса. В АПК РФ

России»; от 27 июля 2006 г. по делу «Фадин против России»; от 28 февраля 2006 г. по делу «Савинский против Украины».

¹ Попытка при помощи данного обобщающего негативного предположения создать некий фон правомерности нарушения прав человека, которая, безусловно, сделана за пределами принципа добросовестности, нами воспроизведена лишь для того, чтобы показать читателю, что порой негативный образ России создается ее уполномоченными представителями. ЕСПЧ с присущей ему деликатностью оставил данный пассаж без внимания, но мог и описать его в Постановлении, дав ему соответствующую оценку.

действительно предусмотрена возможность учитывать при вынесении решений другие судебные акты, но только акты Президиума ВАС РФ.
91 Что касается остального, то, на наш взгляд, здесь в пылу доказывания отсутствия компетенции (где компетенция – это область полномочий и обязанностей) у арбитражных судов на рассмотрение дела о регистрации некоммерческой организации была подвергнута сомнению компетенция как наличие достаточных знаний и умений для отправления правосудия у арбитражных судов, при том что процессуальные возможности и у судей арбитражных судов, и у судов общей юрисдикции совпадают.

В Постановлении от 23 июля 2009 г. ЕСПЧ отметил, что в принципе судебные ошибки можно рассматривать как «существенные недостатки», подлежащие исправлению в надзорном порядке (см. Постановление по делу «Лучкина против России» от 10 апреля 2008 г. № 3548/04, п. 21), указав также, что «возникает вопрос, может ли при определенных обстоятельствах дела нарушение правил юрисдикции рассматриваться как «существенный недостаток», требующий пересмотр решения, которое заявитель считал вступившим в законную силу (*res judicata*)».

Надо отметить, что одним из возражений российских властей было указание на недобросовестность (*mala fides*) заявителя: «Направляя жалобу в неподведомственный суд, заявитель сам определил судьбу своих заявлений: процессуальное законодательство Российской Федерации, прецедентное право национальных и международных судов действуют из посылки, что споры, рассмотренные в неподведомственных судах, отменяются. Считать арбитражные суды ответственными за рассмотрение жалобы ненадлежащим образом, поданной в некомпетентный суд, необоснованно и несправедливо... Власти Российской Федерации считают, что сторона, нарушившая императивное правило о судебной юрисдикции, теряет право возражать против компетенции данного суда по отмене решения (принцип *estoppel*)». Полагаем данный момент очень интересным и подлежащим более внимательному рассмотрению.

Принцип добросовестности и запрета злоупотребления процессуальными правами в равной степени отражен и в АПК РФ (ч. 2 ст. 41), и в ГПК РФ (ч. 1 ст. 35), он является общепризнанным принципом международного права¹. Запрет злоупотребления правами нашел также

¹ Дмитриева Г.К. Принцип добросовестности в современном международном праве // Правоведение. 1979. № 6. С. 83–86; Она же. Мораль и международное право. М., 1991. С. 140–148.

Глава 5

отражение в ст. 17 Конвенции. Что же касается принципа эстоппель, то в российском праве он прямо не упоминается. Данный принцип, именуемый также иногда правилом эстоппель, имеет происхождение из общего права и заимствован международным правом из англо-американского права¹.

Юридическое значение указанного принципа таково: государство, которое посредством своего активного или пассивного поведения придерживалось позиции, явно противоположной тому субъективному праву, которое оно отстаивает в суде, не может более востребовать это право². В соответствии с правилом эстоппель факт неоспаривания своевременно компетенции суда по рассмотрению дела в последующем уже препятствует заявлению об отсутствии у суда компетенции на рассмотрение дела.

В международном праве эстоппель применялся во взаимоотношениях между государствами. Сам по себе факт попытки применить данный принцип к некоммерческой организации – заявителю можно истолковать либо как признание международной правосубъектности заявителей, либо как попытку доказать правоту государства и неправоту заявителя.

В любом случае уже сама ссылка на эстоппель в возражениях, направленных российскими властями в ЕСПЧ, может быть воспринята как согласие на применение этого принципа при рассмотрении дела в ЕСПЧ и по ходатайствам заявителей. По крайней мере это можно вывести из сущности эстоппеля, который требует придерживаться определенного уровня последовательности в поведении. На наш взгляд, было бы вполне логичным ожидать исходя из принципа добросовестности, что правовые позиции российских властей, высказываемые в меморандумах, направляемых в ЕСПЧ, не будут диаметрально отличаться от дела к делу.

Рассмотрим данный принцип немного подробнее: «принцип эстоппель устанавливает санкции в порядке применения добросовестности и в целях обеспечения безопасности за несоблюдение обязательства последовательности, которое без сомнения является аксиоматичным

¹ Дмитриева Г.К. Мораль и международное право. С. 146.

² Каламкарян Р.А. Эстоппель как институт международного права // Юрист-международник: Всероссийский журнал международного права. М., 2004. № 1. С. 10–22; 2012. С. 194–207; Вердиян Г.В. Добросовестность как общий принцип права. М., 2013.

принципом международного права, нежели принципом, признанным «цивилизованными странами» или обычной нормой»¹.

Применение данного принципа широко развито в практике Международного суда ООН. ЕСПЧ также применяет его, упоминание о нем можно найти в постановлениях по делам «Stran Greek Refineries and Stratis Andreadis v. Greece» от 9 декабря 1994 г. (жалоба № 13427/87), «Bricmont v. Belgium» от 7 июля 1989 г. (жалоба № 10857/84) и многих других. Но порой ЕСПЧ фактически применяет данный принцип, не упоминая о нем. Так, например, ЕСПЧ в Постановлении по делу «Сергей Медведев против РФ» (жалоба № 3194/08) от 30 июля 2009 г. отказался анализировать аргументы, которые не приводились в качестве основания для ареста в российских судах².

Нас интересует возможность применения данного аксиоматического принципа³ к рассматриваемой ситуации, возникшей в результате обращения в ненадлежащий суд и рассмотрения дела двумя судебными инстанциями.

Как отмечают юристы-международники, одним из наиболее известных случаев применения принципа эстоппель является ситуация, «когда государство, не приняв обязательную юрисдикцию Международного суда в первичном варианте (на основании п. 6 ст. 36 Статуса Международного суда ООН), своим деятельным участием на стадии рассмотрения по существу дела лишает себя права заявить в предварительном возражении об отсутствии у суда соответствующей юрисдикции для рассмотрения данного спора. Государство, проявив себя соответствующим образом, в силу принципа эстоппель уже не вправе (через выдвижение предварительного возражения против компетенции суда) оспаривать юрисдикцию суда по конкретному спору»⁴.

Надо отметить, что современные гражданские процессуальные кодексы стран Европы также предусматривают возможность сторо-

¹ Verhoeven J. La reconnaissancen internationale dans la pratique contemporaine. Les relations publiques internationales. P., 1975. P. 804 (цит. по кн.: Каламкарян Р.А. Эстоппель в международном праве. М., 2001).

² Буторина Е. Медведев против России. Европейский суд вступился за арестованного нацбала // Время новостей. 2009. 3 августа. № 137. С. 5.

³ К сожалению, объем данной статьи не позволяет нам заняться анализом термина «аксиоматический принцип», хотя это было бы интересно автору, уже обращавшемуся к теме аксиом и принципов права (см.: Султанов А.Р. Аксиомы и принципы справедливого правосудия // Арбитражная практика. 2008. № 7. С. 74–81).

⁴ Каламкарян Р.А. Эстоппель в международном праве. М., 2001. С. 181–182.

Глава 5

нам выдвигать предварительные возражения против заявленного иска в связи с неподсудностью данному суду.

Устав гражданского судопроизводства 1864 г. (далее – УГС) предусматривал также возможность подачи предварительного возражения о компетенции суда в форме заявления отвода в связи с неподсудностью. Причем в случае незаявления ответчиком своевременно отвода о неподсудности производство дела должно было продолжаться так же, как если бы оно было подсудно данному суду (п. 1 ст. 571 УГС). Хотя данный случай называли особым видом пророгации – молчаливым, безмолвным соглашением сторон, считаем, что прав был профессор Е.В. Васьковский, писавший, что «в действительности образ действий истца и ответчика может быть результатом не сознательного желания подчинить данное дело юрисдикции определенного суда, а просто ошибки или небрежности, если, например, истец обратился с иском в известный суд, ошибочно думая, что ответчик живет в округе этого суда, а ответчик пропустил срок на заявление отвода по небрежности. Следовательно, иск делается подсудным данному суду не потому, что состоялось молчаливое соглашение между сторонами, а потому, что ответчик не воспользовался предоставленным ему правом отвода»¹.

Таким образом, УГС, предоставляя право сторонам заявить отвод суду в связи с неподсудностью, возлагал на них риск рассмотрения дела в суде, к подсудности которого дело не отнесено, в случае несовершения отвода по неподсудности немедленно, исключая также дальнейшую возможность обжалования судебного акта в связи с неподсудностью. Эти санкции очень похожи на применение принципа эстоппель. Можно сделать вывод, что данный принцип был реализован в УГС не в качестве международного принципа², а в качестве аксиомы справедливого правосудия, предполагающей добросовестность поведения сторон и соблюдения правила последовательности поведения в суде. По всей видимости, не зря данный принцип назвали аксиоматичным принципом.

Хотя ни АПК РФ, ни ГПК РФ не предусматривают специальной процедуры в виде подачи предварительных возражений по поводу компетенции суда, тем не менее такое возражение может быть пода-

¹ Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса. М., 2003. С. 154.

² Тем более что в качестве международного принципа он стал применяться лишь в XX в., в том числе благодаря практике Международного суда ООН.

но в виде ходатайства о передаче дела о подсудности и даже в виде отвода суду¹, в том числе в предварительном заседании. В то же время процессуальные кодексы последствий неподачи возражений против юрисдикции суда не устанавливают.

Но некоторые современные ученые-процессуалисты полагают, что неуказание ответчиком своевременно на неподсудность дела данному суду лишает его возможности оспаривать вынесенное судебное решение на данном основании². Тем более что в настоящее время Федеральным законом от 22 июля 2008 г. № 138-ФЗ внесены изменения в АПК РФ и теперь возможно не только заявить ходатайство о передаче дела по подсудности, но также и то, что по результатам рассмотрения арбитражным судом вопроса о передаче дела на рассмотрение другого арбитражного суда выносится определение, которое может быть обжаловано (ч. 3 ст. 39 АПК РФ)³.

Все же, на наш взгляд, можно прийти к выводу, что применение принципа эстоппель вполне возможно и в деле «Сутяжник против РФ». Только вот применение этого принципа, по нашему мнению, лишило именно Россию права ссылаться на рассмотрение дела с нарушением подведомственности. К такому выводу мы приходим исходя из того, что именно у Российской Федерации в лице Управления юстиции была возможность возражать по поводу рассмотрения дела с нарушением подведомственности, а никаких возражений против юрисдикции арбитражных судов заявлено не было.

Ситуация осложняется тем, что надзорное производство было возбуждено должностным лицом ВАС РФ, а не по заявлению стороны в споре. Из решения о приемлемости видно, что ни ответчик (Министерство юстиции), ни судебные приставы не знали об отмене решения о передаче дела по подсудности в другой арбитражный суд.

¹ Выше мы уже приводили случай из нашей практики, когда нами был заявлен отвод всему составу суда, поскольку, на наш взгляд, у данного суда отсутствовала компетенция по рассмотрению нашего дела и единственное, что было в компетенции суда, – это отправить дело по подсудности. В удовлетворении отвода было отказано, но судья вынес определение о передаче дела по подсудности в другой арбитражный суд.

² Рожкова М.А. Действие соглашения о подсудности в условиях признанного незаключенным договора // Комментарий судебно-арбитражной практики. Вып. 15. М., 2008. С. 236.

³ А Определение Конституционного Суда РФ от 15 января 2009 г. № 144-О-П выносилось по жалобе на нарушение конституционных прав положениями ч. 4 ст. 39, ст. 270, 288 и 304 АПК РФ в их системном единстве, существовавшем до внесения изменений в АПК РФ.

шения в надзорном порядке даже в 2001 г., хотя отмена решения состоялась в 2000 г.¹ Отсюда можно предположить, что действия должностного лица ВАС РФ были направлены прежде всего на то, чтобы изменить существующую судебную практику, и не имели целью остановить исполнение решения и восстановить нарушенные права лиц, участвовавших в деле, на рассмотрение дела тем судом и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено², и скорее были просто сопутствующим изменением судебной практики.

Другими словами, целью было изменить судебную практику в результате казуального толкования³. Однако «казуальным толкованием называется такое разъяснение правовой нормы, которое дается судебным или иным компетентным органом по поводу и в связи с рассмотрением конкретного дела и является формально обязательным лишь при его разрешении»⁴.

Действовавший в то время АПК РФ не делал обязательными постановления Президиума ВАС РФ, вынесенные по конкретным делам, для арбитражных судов при рассмотрении иных дел. Нижестоящие арбитражные суды не были связаны с практикой ВАС РФ. В частности, в Постановлении ФАС Волго-Вятского округа от 30 июля 2001 г. № А82-136/01-А/1 среди прочего было указано, что ссылка заявителя жалобы на необходимость оценки судом Постановления Президиума ВАС РФ от 26 сентября 2000 г. № 3599/00⁵ является несостоятельной, ибо в силу ст. 11 АПК РФ постановления Президиума ВАС РФ, принятые по конкретным делам, не являются обязательными к применению при рассмотрении других дел.

В настоящее время границы обязательной силы действия судебного акта, выносимого даже высшими судебными инстанциями, сильно расширены и даже могут быть основанием для пересмотра вступившего в законную силу судебного решения.

¹ Решение о приемлемости по делу «Сутяжник против РФ» от 2 марта 2006 г.

² Именно в этом основное отличие от ситуации, рассмотренной в Определении Конституционного Суда РФ от 15 января 2009 г. № 144-О-П.

³ См.: Султанов А.Р. Правовая определенность и судебное нормотворчество // Российская юстиция. 2006. № 3. С. 34–39; Он же. Правовая определенность в надзорном производстве ГПК РФ и практика Конституционного Суда РФ // Право и политика. 2007. № 5. С. 30–39.

⁴ Пиголкин А.С. Толкование нормативных актов в СССР. М., 2005. С. 103.

⁵ Именно это Постановление ВАС РФ и стало предметом рассмотрения дела «Сутяжник против РФ» в ЕСПЧ.

И хотя акты высших судебных инстанций не являются прецедентами в смысле, придаваемом прецедентам в странах общего права, они все же могут быть названы прецедентами толкования. Как известно, обязательность прецедентов толкования основывается не столько на силе закона, сколько «на imperio ratiouis (силе, власти разума). Поэтому авторитетом обладают те прецеденты, которые имеют в своем основании убедительную аргументацию. Неопровергимость аргументации ведет к неопровергимости выводов о содержании толкуемых законов. Неопровергимость, доказанность выводов из общеобязательных законов делает общеобязательным и сами выводы из законов»¹. «...Суть функционирования судебной ветви государственной власти состоит в том, что в этом функционировании логика силы заменена силой логики. Убеждающая сила правового обоснования принимаемых решений... суть принципа верховенства права, суть правового государства»².

Разрешение коллизии требований законности и принципа правовой определенности, на наш взгляд, находится в точном соблюдении баланса между данными правовыми принципами, причем в каждом конкретном случае проблема правильного определения данного баланса может отличаться от ранее уже разрешенной ситуации.

Проблема соблюдения такого баланса стоит не только перед российскими судебными инстанциями. Очень интересный случай разрешения такой проблемы привела профессор Е.Н. Борисова, указав, что во Франции у Генерального прокурора при Кассационном суде имеются полномочия по обжалованию в интересах закона и обжалованию в связи с превышением власти³, которые предоставлены с целью пресечения нарушения закона, допущенного нижестоящими судами, обеспечения единобразия судебной практики и уважения закона. Поскольку целью такого обжалования являются соблюдение интересов законности и обеспечение единства судебной практики, то в силу действия принципа диспозитивности обжалованное Генеральным прокурором решение суда при его отмене Кассационным судом остается в силе для не обжаловавших его лиц, участвующих

¹ Черданцев А.Ф. Толкование советского права. М., 1979. С. 144.

² Зупанчич Б. Об универсальной природе прав человека // Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека. 2007. № 6. С. 26.

³ Процедуры обжалования в интересах закона и в связи с превышением власти регулируются ст. 17, 18 Закона от 3 июля 1967 г. «О реорганизации Кассационного суда».

Глава 5

в деле. Но то же самое решение не будет иметь значение для судебной практики, поскольку, согласно решению Кассационного суда, оно было принято с нарушением закона и противоречит существующей судебной практике¹. Интересный подход, но мы не склонны идеализировать подход Франции, в которой гражданско-процессуальное законодательство отнесено к частному праву².

Однако вернемся к делу «Сутяжник против РФ». ЕСПЧ, оценивая доводы сторон, указал, что «в России споры относительно официальной регистрации юридических лиц, как правило, рассматривались арбитражными судами. Однако споры о регистрации общественных организаций были исключены из юрисдикции арбитражных судов, видимо, по причине «неэкономического» характера этих споров. Такое чтение старого Кодекса было предложено Высшим Арбитражным Судом, а у Суда нет причин с ним не согласиться».

Но далее ЕСПЧ обратил внимание на то, что и организация-заявитель, и ответчик (Управление юстиции) считали, что спор подлежал рассмотрению в арбитражных судах. Более того, арбитражные суды в двух инстанциях принимали дело к производству и рассматривали его по существу.

На этом основании ЕСПЧ со свойственной ему деликатностью сделал вывод, что это свидетельствует о том, что соответствующие положения старого АПК РФ в сочетании с Законом «Об общественных объединениях» были в лучшем случае неоднозначны. Правила юрисдикции были разъяснены только в 2002 г. в связи со вступлением в силу нового Кодекса, когда ВАС РФ уточнил, что споры относительно регистрации некоммерческих организаций не подлежат рассмотрению в арбитражных судах³.

¹ Борисова Е.А. Некоторые теоретико-практические вопросы, возникающие в гражданском процессе на стадии производства в порядке надзора // Законодательство. 2004. № 8. С. 57–63.

² См. более подробно: Довгерт А., Захватав В. Предисловие к новому гражданскому процессуальному кодексу Франции // Гражданский процессуальный кодекс Франции. Киев, 2004. С. 5.

³ Надо признать, что, действительно, вопрос разграничения компетенции между судами общей юрисдикции и арбитражными судами не был надлежащим образом регулирован в законодательстве, а проект совместного постановления Пленумов ВАС РФ и ВС РФ, в котором были даны толкования разграничения компетенции между судами, так и остался проектом в связи с разными точками зрения высших судебных инстанций.

На основании этого ЕСПЧ пришел к выводу, что «решение арбитражного суда от 17 июня 1999 г., оставленное в силе постановлением кассационной инстанции от 18 октября 1999 г., являлось законным. Последствия решения от 17 июня 1999 г. очень ограничены: это касалось только сторон по делу и не противоречило другому судебному решению».

ЕСПЧ согласился с тем, что как принцип правила юрисдикции следует соблюдать, но указал, что при определенных обстоятельствах настоящего дела не находит настоящей социальной необходимости, которая могла бы оправдать отступление от принципа правовой определенности. Решение было отменено скорее ради правового пуритана¹, чем для того, чтобы исправить важную судебную ошибку.

В конечном счете с учетом вышеописанных обстоятельств дела ЕСПЧ пришел к выводу, что отмена решения от 17 июня 1999 г., оставленного в силе 18 октября 1999 г., была непропорциональной мерой и уважение принципа правовой определенности должно было преобладать², и установил нарушение ст. 6 Конвенции.

Главный урок, который, на наш взгляд, стоит извлечь из данного дела, заключается в том, что как бы нам ни хотелось упростить отправление правосудия до простого сравнения с шаблоном, имеющимся в законе, это вряд ли осуществимо. Задача заключается в умении находить точное соотношение баланса различных правовых принципов, который в зависимости от обстоятельств дела может меняться.

ЕСПЧ в рассматриваемом деле также указал, что «при определенных обстоятельствах возможно отступление от правовой определенности с целью исправления «существенных недостатков» или «судебной ошибки». Однако данные понятия не имеют точного определения. Суду приходится решать в каждом деле, насколько было допустимо отступление от принципа правовой определенности.

Есть надежда на то, что наши российские суды научатся правильно определять баланс различных правовых принципов, а не будут, при-

¹ Излишний формализм запрещался также АПК РФ 1995 г., в котором устанавливалось, что правильное по существу решение не может быть отменено лишь по формальным обстоятельствам (ч. 2 ст. 188 АПК РФ 1995 г.).

² Вполне возможно, что если бы предметом рассмотрения являлась отмена Постановления ФАС Волго-Вятского округа от 30 июля 2001 г. № А82-136/01-А/1, если бы регистрация была, то ЕСПЧ пришел бы к другому выводу, поскольку в этом деле регистрирующие органы оспаривали компетенцию арбитражных судов.

крываясь принципом правовой определенности, оставлять в силе неправосудные акты, предоставляя возможность торжествовать неправовой определенности, подрывающей доверие к государству. Соответственно у судов высших инстанций должна быть возможность влиять на изменение судебной практики, не нарушая баланс между принципами законности и правовой определенности. Разработка таких процедур – задача¹ не только для законодателя, но и, пожалуй, для всех тех, кто хочет действительно жить в правовом государстве.

Надо отметить, что задача очень непростая, быть может, частично лежащая не в плоскости законодательного регулирования, а в повышении уровня компетенции судей и в их реальной независимости.

Земельный суд отменяется

А.Р. СУЛТАНОВ

**ЖАЖДА
СПРАВЕДЛИВОСТИ:
БОРЬБА ЗА СУД**

Статьи